

Наблюдая, как фигура Цзян Хуэй постепенно удаляется, Цзян Луюй невольно поднял голову, скользая взглядом по солнечным лучам, падающим на потолочные балки. Его белая рука протянулась к открытому окну, словно пытаясь поймать что-то в воздухе. Когда он сжал пальцы, на его лице промелькнуло неопишное выражение.

Мянь Син, наблюдая за его лицом, с любопытством следил за ним, пока Цзян Луюй не опустил глаза и не направился к выходу из храма. Тогда он поспешно последовал за ним.

В величественном зале, украшенном золотом, бодхисаттва с добрым лицом сидел на золотом лотосе, держа символ удачи, словно с бесконечным состраданием наблюдая за этим миром, но его взгляд оставался непричастным к мирским делам.

Цзян Луюй, сложив руки, опустился на колени на циновке. Его красивое лицо в дыму благовоний стало размытым, но его темные, как нефрит, глаза оставались ясными, без малейшего следа мольбы.

Когда он снова встал и указал Мянь Сину раздать милостыню, он остался стоять у статуи Будды, погруженный в свои мысли. Вдруг рядом раздался мягкий и старческий голос:

— Господин, вы пришли за предсказанием?

— Мастер, приветствую вас, — Цзян Луюй, услышав голос, вздрогнул и обернулся, увидев монаха с длинной бородой в желтой рясе, держащего в руках сосуд с предсказаниями. Он почтительно сложил руки и улыбнулся. — Я просто пришел посмотреть на Будду, не за предсказанием.

Монах, услышав это, погладил свою бороду, и его улыбка стала похожей на улыбку Будды за его спиной:

— Господин, верите ли вы в судьбу?

Цзян Луюй, глядя на это доброе и сострадательное лицо, медленно покачал головой:

— Нет.

Он прожил две жизни, как он может верить в судьбу?

Даже услышав его отрицание, улыбка монаха не изменилась. Он лишь протянул сосуд с предсказаниями, и его голос стал еще более загадочным:

— Если так, то вам тем более стоит получить предсказание и узнать, куда ведет ваша судьба.

Цзян Луюй отступил на шаг, избегая сосуда, и его улыбка стала чуть более холодной, а в глазах мелькнула тень:

— Мастер, ваши слова звучат как софистика.

— Будь то софистика или истина, если господин слушает, это уже хорошо, — монах был настойчив, его взгляд, казалось, проникал сквозь кожу в самую душу. Он снова протянул сосуд.

— Это сосуд с предсказаниями. Потрясите его.

На этот раз Цзян Луюй не отказался. Он взял сосуд, слегка встряхнул его и вытащил желтое предсказание. Взглянув на него, он вернул его монаху и тихо сказал:

— Мастер, девяносто третье предсказание.

Монах взял предсказание и спросил:

— Господин, что вы хотели узнать?

Цзян Луюй улыбнулся, его пальцы слегка сжались в рукаве, и он тихо ответил:

— Что я хотел узнать... пусть это будет то, смогу ли я достичь своих желаний.

Монах опустил взгляд на предсказание.

*

Луна в полнолуние, небо и земля бескорыстны.

Солнце вернулось, радость придет осенью.

*

— Это предсказание среднего уровня, означающее, что, хотя вокруг вас будут шипы, вы сможете избежать опасности, — монах, прочитав предсказание, улыбнулся и положил его обратно в сосуд, тихо ответив. — Если вы приложите усилия, ваше желание исполнится.

Цзян Луюй сложил руки и поклонился:

— Благодарю вас, мастер.

— Господин, вы так молоды и прекрасны, не хотите ли получить предсказание о любви?

— Любовь? — Цзян Луюй покачал головой, его лицо было невероятно спокойным, с оттенком глубокой печали, но на губах появилась слабая улыбка. — Нет, не нужно.

В этой жизни у него больше не будет любви.

В тот момент, когда Цзян Луюй произнес эти слова, Цзян Хуэй, находившаяся всего в нескольких шагах от него за дверью, с трудом сдерживала радость, складывая рецепт и пряча его в рукав. На ее лице появилось выражение удовлетворения, и она, улыбаясь, повернулась к Чжэньчжу:

— Наконец-то я получила рецепт. Когда мать выпьет это лекарство и поправится, Госпожа Му больше не сможет устраивать свои выходы в резиденции.

Чжэньчжу кивнула, но, не закончив фразу, вдруг посмотрела в сторону темного коридора и, схватив Цзян Хуэй за руку, вскрикнула:

— Это... ах!

Цзян Хуэй, испугавшись ее крика, тоже вздрогнула и, следуя ее взгляду, посмотрела в ту сторону, но ничего не увидела. Она нахмурилась и тихо выругалась:

— Что случилось? Почему ты кричишь, ты меня напугала.

Странно, но на этот раз, даже услышав выговор, Чжэньчжу не перестала кричать. Ее лицо

стало еще более испуганным, и она, дрожащим голосом, указала пальцем в сторону темного угла:

— Госпожа... госпожа, посмотрите, там... там кто-то смотрит на нас!

— Ну и что? Не нужно так пугаться, — Цзян Хуэй сначала подумала, что служанка шутит или ошибается, но, посмотрев в указанное место, ее зрачки сузились, и голос стал резким. — Кажется, там действительно кто-то есть... кто это? Чжэньчжу, ты видишь?

— Госпожа... это она! — Чжэньчжу, казалось, была на грани обморока, она крепко схватила Цзян Хуэй и закричала. — Это Люли, госпожа!

— Люли?! — Цзян Хуэй вздрогнула всем телом и больше не осмелилась смотреть на тень. Она, поддерживаемая Чжэньчжу, отступила на несколько шагов и прошептала дрожащим голосом. — Как это возможно? Люли же изуродовали лицо и продали! Как она может быть здесь и пугать нас?

Не успела она закончить, как Чжэньчжу снова потянула ее назад, указывая пальцем на угол и продолжая кричать:

— Госпожа! Госпожа, смотрите! Она идет к нам!

Услышав это, Цзян Хуэй почувствовала, как ее тело охватил холод. Чжэньчжу сильно дернула ее, и она чуть не упала на холодный каменный пол. В темноте перед ней появилось лицо, когда-то красивое, но теперь изуродованное шрамами. Худые, как кости, руки протянулись к ней, чтобы схватить.

Через мгновение Цзян Хуэй вскрикнула, и Чжэньчжу, увидев это, широко раскрыла глаза и, схватив ее, побежала к двери, крича:

— Госпожа, бегите! Люли с заколкой, она хочет убить вас!

В тот момент, когда она произнесла это, тень в углу коридора двинулась, бегущая к ним. Худые руки, как когти, тянулись к ним, и хриплый голос кричал:

— Цзян Хуэй... Цзян Хуэй... верни мне мою красоту, верни мне мою честь!

— Ах, спасите!

Услышав этот крик, Цзян Хуэй потеряла рассудок и только бежала, крича, даже Чжэньчжу, которая сначала тянула ее, теперь едва успевала за ней. В маленьком дворике раздался ее пронзительный голос:

— Не гонись за мной! Я не хотела! Кто-нибудь, спасите меня, остановите эту сумасшедшую... ой!

Когда они выбежали за дверь и пробежали мимо пруда с белыми лотосами, Цзян Хуэй, толкнутая Чжэньчжу, неосторожно шагнула к воде, и ее нога соскользнула, заставив ее потерять равновесие.